НОВГОРОДСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского

Новгород, 28 сентября — 2 октября 1992 г.

Под редакцией
В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова.

Новгород 1994

А. С. Хорошев

ТОПОГРАФИЯ, СТРАТИГРАФИЯ, ХРОНОЛОГИЯ И УСАДЕБНАЯ ПЛАНИРОВКА ТРОИЦКОГО РАСКОПА (УСАДЬБА А)

Последние двадцать полевых сезонов Новгородской археологической экспедиции связаны с работами на территории Людина (Гончарского) конца, в южной части Софийской стороны. До 1973 г. работы здесь никогда не предпринимались. Это было вызвано разными обстоятельствами, в том числе и определенной осторожной оценкой перспектив работ: Людин конец в период расцвета вечевого Новгорода находился как бы в тени — политическое представительство в посадничестве от этого конца было захвачено боярством Прусской улицы. И если до начала XIII в. летопись уделяла определенное внимание этому району, то позднейшие записи малочисленны и лаконичны, что резко контрастирует с сообщениями о других древнейших районах — Славенском и Неревском концах. К тому же проведение работ здесь было возможно на окраине мощных напластований, что при начале исследований не гарантировало выход на ранние городские слои.

Топография. Раскоп получил свое название от находящейся поблизости церкви Троицы. В настоящее время Троицкий раскоп — это археологический полигон, площадь которого составляет 4556 кв. м, из них 3616 кв. м исследованы до материка на всю мощность напластований, составляющих здесь 4—4,2 м.

Никакими предварительными шурфовочными данными перед началом работ археологи не располагали. Достаточно скудными были данные о системе древней планировки участка: фиксация уличных мостовых в котлованах современных зданий и под коммуникационные сети проводилась в достаточно удаленных от раскопа точках. Тем не менее было очевидно, что современная регулярная застройка, сложившаяся на основе генерального плана 1778 г., существенно изменила первоначальную схему улиц. Лишь древняя ось Людина конца — начальная часть «Русского пути» (от Спасских ворот Кремля на юг параллельно р. Волхов) сохранила свое положение в плане конца (рис. 1). Ранних документов, фиксирующих древнее название этой улицы, нет, поэтому по аналогии с подобными магистралями других концов ее следует условно именовать Пробойной или Великой улицей Людина конца.

Пробойную улицу пересекали в древности идущие с запада на восток, к берегу Волхова, улицы: Добрыня, Волосова, Ярышева, Черницына, Рядятина (рис. 1). Три последние находятся в непосредственной близости от участка, избранного

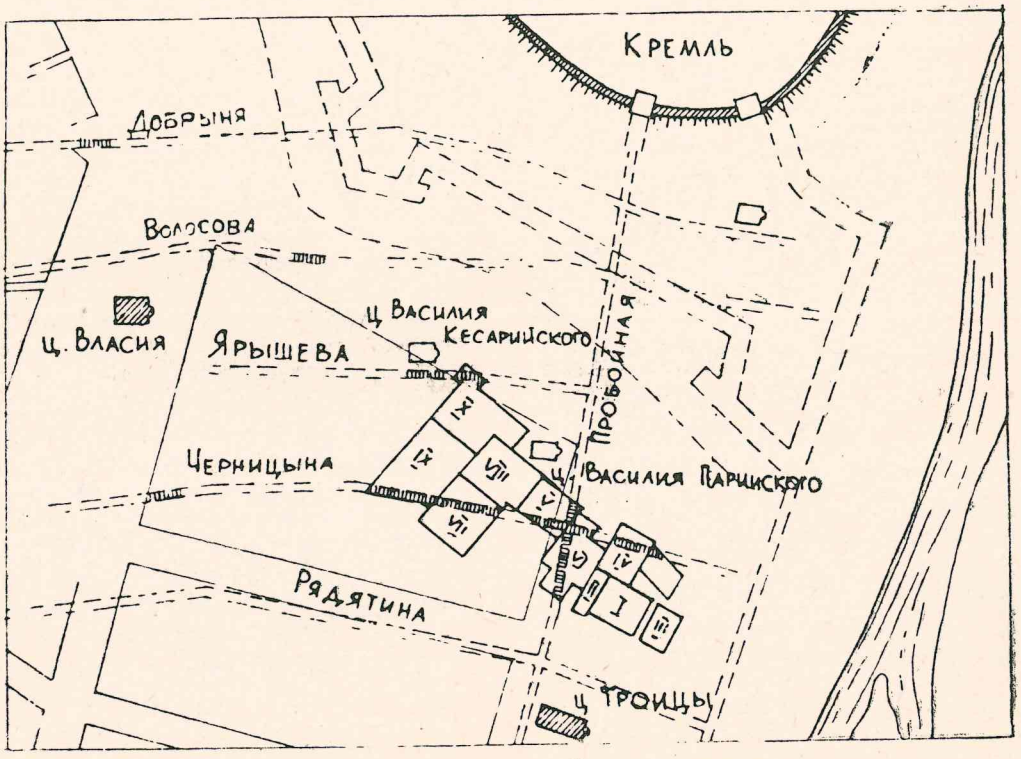

Рис. 1. **Ситуационный план Троицкого раскопа.**

археологами для исследований. Рядятина улица, в отличие от Черницыной и Ярышевой, имеет дополнительный ориентир для уточнения местоположения: существующая и ныне Троицкая церковь свидетельствами источников связана именно с Рядятиной улицей, которая впервые упоминается летописью под 1211 г. Специальная археологическая шурфовка в двух местах в 10,5 м к северу от церкви Троицы зафиксировала уличные мостовые и подтвердила местоположение Рядятиной улицы в градостроительной схеме района (рис. 1).

Черницына, располагавшаяся параллельно и к северу от Рядятиной, была вскрыта на площади Троицкого раскопа (рис. 1). Она получила свое название от Варварина девичья монастыря, который неоднократно упоминается в новгородской летописи с 1138 г.

Следующая улица — Ярышева — располагалась севернее Черницыной. Она в летописи упоминается впервые под 1194 г. В соответствии с данными кадастровых книг расстояние между Черницыной и Ярышевой улицами в переводе на современную метрическую систему составляет 50 м. Именно это расстояние межуличного пространства зафиксировано на площади Троицкого раскопа (рис. 1).

Дополнительными ориентирами для уточнения древней ситуационной схемы в районе Троицкого раскопа могли бы служить церкви Василия Парийского и Василия Кесарийского, связанные по актовым материалам и летописным известиям с Ярышевой улицей. Однако их руинированные остатки не обнаружены, а схематичные поздние планы города не дают возможности твердо зафиксировать их местоположение. Впрочем, в ходе работ на Троицком V и VIII раскопах вдоль северной кромки участка археологами были отмечены выходы кладбищенской территории, вероятно, при церкви Василия Парийского.

Первый исследованный участок (Троицкий I раскоп) располагался между Черницыной и Рядятиной улицами, вблизи Пробойной, настилы которой скрыты под современным асфальтовым покрытием. По мере освобождения прилегающей территории от индивидуальной застройки фронт исследований постепенно расширялся. Площадью Троицкого IV раскопа были затронуты древние настилы Черницыной улицы. Ее продолжение изучалось затем на Троицком V, VI, VII, VIII, IX раскопах. Общая длина исследованной части древней магистрали составляет 130 м.

На участке Троицкого X раскопа были вскрыты настилы еще одной древней улицы — Ярышевой. Несмотря на то, что изучаемый в настоящее время отрезок мостовой составляет всего 13 м, его обнаружение чрезвычайно важно для реконструкции древней планировочной схемы района.

В 1981 г. экспедиция получила возможность провести раскопки непосредственно под современной транспортной магистралью, перекрыв на время раскопок движение по улице (Троицкий VI раскоп). Благодаря этому представилась возможность связать воедино весь исследуемый массив. Выход на VI раскопе на Пробойную улицу (ее незначительный отрезок — 12 м — исследовался в ходе работ на V раскопе) позволил существенно уточнить стратиграфию и хронологию раскопа.

Результаты многолетних работ на Троицком раскопе ввиду их незавершенности проходят в настоящее время всестороннюю научную апробацию. Поэтому исследователи в основном ограничивались краткой информацией о предварительных итогах работ. Исключение составляет монографическое исследование Б. А. Колчина, А. С. Хорошева и В. Л. Янина «Усадьба Новгородского художника XII века» («Наука», М., 1981), которое явилось экстренной публикацией комплекса археологического материала, имевшего большое культурологическое значение. Однако монография ограничила изложение материала локальным хронологическим срезом небольшой площади раскопа. Расширение фронта работ, особенно на территории VI раскопа, внесло существенные коррективы в первоначальный археологический материал, хотя и не повлияло на концептуальную основу монографии. Настоящая статья является, таким образом, фактически первым конспективным изложением материалов Троицкого раскопа, в основном на участках завершенных исследований.

Стратиграфия. Выявление стратиграфических границ яруса производилось непосредственно в ходе работ при снятии пласта. Следует заметить, что расчистка сооружений, определяющих ярус, в первую очередь мостовой, производилась одновременно, независимо от того, в каком пласте залегают отдельные части сооружения — в раскапываемом, последующем или предыдущем. Это сооружение не разбирается и не удаляется из раскопа до тех пор, пока все окружающие его объекты не окажутся на одном стратиграфическом уровне и не будут документированы.

При этом следует учитывать, что горизонтальные пласты заданной толщины, по которым идет вскрытие исследуемого участка, не совпадают по залеганию с теми или иными границами ярусов. Дело

здесь в том, что, во-первых, как современный, так и древний рельеф на площади раскопа имеют наклон, иногда, в том числе на Троицком раскопе, достаточно значительный. Во-вторых, толщина яруса, в отличие от толщины пласта, является нестабильной. Это зависит от множества факторов, таких как интенсивность жизни на участке, уровень влажности его, периодичность пожаров и т. д.

Все это ставит перед исследователем достаточно трудоемкую задачу связи пластов, внутри которых велась фиксация находок, с соответствующими ярусами, то есть своеобразная хронологизация всего материала. Естественно, чем более сложным древним рельефом характеризуется участок, чем больше площадь раскопа, чем хуже сохранность органики и тем самым меньше толщина яруса, тем сложнее становится определение соотношения пластов и ярусов.

На Троицком раскопе археологи столкнулись со всеми перечисленными сложностями одновременно. В ходе работ выяснилось, что древний рельеф участка имеет не только наклон поверхности с запада на восток, вдоль Черницыной улицы по направлению к речному берегу, но и с севера на юг, вдоль Пробойной улицы. При этом перепад высот достаточно значителен: по Черницыной улице от ее пересечения с Пробойной на восток на протяжении 40 м — 0,6 м; по Пробойной от той же точки и до края раскопа (28 м) — 0,8—0,9 м.

Примечательно, что жители участка при строительстве практически не стремились к какому-либо выравниванию рельефа и даже при укладке нижних венцов построек почти не прибегали к нивелировке фундаментов зданий. Здесь же следует учесть худшую сохранность органики из-за резкого оттока воды с участка и повышенной эрозии, что уменьшало толщину ярусов до 7—12 см. Таким образом, выявилось, что единственно возможным индикатором для всей площади Троицкого раскопа являются мостовые, в первую очередь Черницыной улицы, которая связывает между собой все исследованные участки, при одновременном учете наклона, зафиксированного по Пробойной улице.

Учитывая, что исследование мостовых проходило не одновременно и в ряде случаев по разным реперным отметкам и индивидуальной (раскопной) нумерации ярусов, потребовалась достаточно длительная работа по систематизации всего полевого материала, тщательному изучению конструктивных особенностей каждого яруса мостовой, составлению разрезов, фиксирующих уровень залегания каждой мостовой. Все это одновременно сопровождалось с аналогичными разрезами сооружений и прослоек внутри усадеб. Результатом этой аналитической работы явилась детальная реконструкция древней стратиграфии восточного участка Троицкого раскопа (раскопы I, II, III, IV, VI) и выработка методики подобного изучения для материалов западного участка исследуемой площади.

Сопоставление пластов с ярусами потребовало создания компьютерной программы, при помощи которой вся толща культурных напластований была расчленена на стратиграфические срезы, соответствующие толщине ярусов мостовых (отдельно по Пробойной и Черницыной улицам).

В ходе подготовки компьютерной программы археологами было обращено внимание на некоторые нюансы стратиграфии, которые в ходе полевых работ иногда ускользали от внимания исследователей. Из них наиболее существенным является обнаружение индивидуализации мостовых каждой из улиц. Это проявляется, во-первых, в разновременности их перестилки; во-вторых, в разных толщинах ярусов, что наглядно обнаруживается сопоставлением разрезов по каждой улице в месте их пересечения (рис. 2).

Второй значительной работой, которая велась параллельно с анализом стратиграфической ситуации, являлась хронологизация материалов на основании дендрохронологических данных, впрочем и здесь были внесены некоторые новации.

Вплоть до начала работ на Троицком раскопе и в первые годы его исследования считалось, что массовость образцов ведет к абсолютизации датировок с точностью до одного—двух лет. Однако по мере накопления банка данных по Черницыной улице обнаружился достаточно существенный разброс времени рубки деревьев, положенных в конструкцию одного и того же яруса. Для примера, один из ярусов Черницыной улицы имеет следующие даты рубки бревен (данные сгруппированы по раскопам: IV—VI—V—VII) — 1140—1141; 1141—1145; 1132—1151; 1139—1141; 1137—1141 гг. Естественно, в приведенном нами наборе дат опущены образцы, датируемые ранее или позднее хронологии подстилающего и перекрывающего ярусов.

На Пробойной улице, протяженность исследованного участка которой короче, а количество образцов меньше, даты рубки деревьев компактнее, чем по Черницыной.

Осмысление дендрохронологических рядов по каждому ярусу на отдельных отрезках мостовой в сочетании с анализом конструкции уличного настила привело археологов к убеждению, что участ-

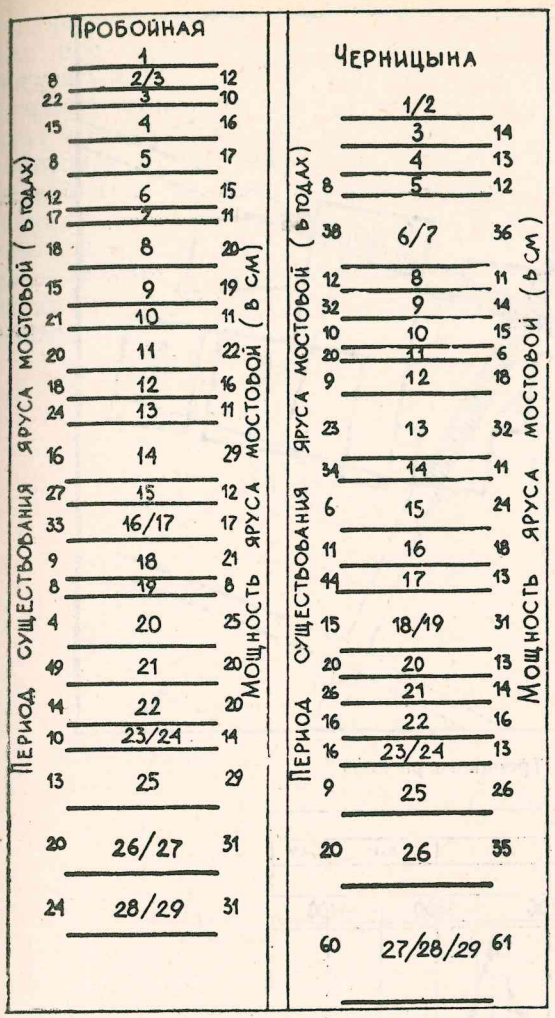

Рис. 2. **Стратиграфическо-хронологическая таблица Черницыной и Пробойной улиц**

ки Черницыной улицы мостились отдельными домовладельцами в разное время с использованием близких, но разных по времени рубки деревьев. Это подтверждается наличием своеобразных «швов» между участками уличного настила, точно совпадающих с границами комплексов построек. Только в условиях сплошной застройки, что происходило после значительных пожаров, улица мостилась дворовладельцами одновременно. Для примера (по тем же группам раскопов): 1207—1213; 1210—1213; 1200—1212; 1210—1212 гг. В подобных, к сожалению, не столь многочисленных, случаях датировка яруса сужается. Данные обстоятельства привели археологов к отказу от абсолютизации дендродат. В результате появилась относительная хронологическая шкала ярусов Черницыной улицы.

Соответственно, более компактная датировка Пробойной улицы едва ли не свидетельствует об общегородском ее значении и тем самым о ее перестилке одновременно на всем протяжении. Впрочем, исследованный ее отрезок, к сожалению, полностью совпадает с протяженностью усадебного участка. Однако и здесь было признано целесообразным составление относительной дендрохронологической шкалы по аналогии с Черницыной улицей.

Вторая особенность хронологии Троицкого раскопа — разновременность перестилки Пробойной и Черницыной улиц. Это достаточно наглядно представлено на сводной стратиграфическо-хронологической таблице (рис. 2).

Наличие относительной дендрохронологической шкалы позволило хронологизировать стратиграфические срезы, полученные на основании компьютерной программы, и тем самым датировать весь вещевой комплекс.

Дальнейший цикл работ состоял в проверке достоверности полученной хронологической шкалы. Полигоном для эксперимента была выбрана площадь усадебного участка (усадьба А), ограниченного Черницыной и Пробойной улицами и полностью исследованного археологами (рис. 3). В пределах этой площади были выбраны из вещевого комплекса те категории находок, которые, благодаря их массовости и распространенности в новгородских напластованиях, имеют типо-хронологическую шкалу, проверенную по всем новгородским раскопам. Всего подобные хронологические таблицы существуют для 150 категорий новгородских находок. Однако не все предметы в достаточном количестве были найдены при раскопках троицкой усадьбы, а некоторые из категорий имеют достаточно широкие хронологические рамки, что затрудняет их привлечение при проверке хронологизации Троицкого раскопа.

В новгородской типо-хронологической серии находок наиболее значительными являются такие категории, как стеклянные браслеты, шиферные пряслица и обломки амфор. Для этих категорий характерно абсолютное тождество полигонов их распространения в культурном слое Новгорода: одновершинные кривые и одинаковый хронологический диапазон каждой категории (рис. 4).

При этом для чистоты эксперимента в пределах указанного участка были составлены отдельные графики по стратиграфическо-хронологической шкале Черницыной (рис. 5—7) и Пробойной (рис. 8—10). Представленные результаты настолько очевидны, что не требуют комментария.

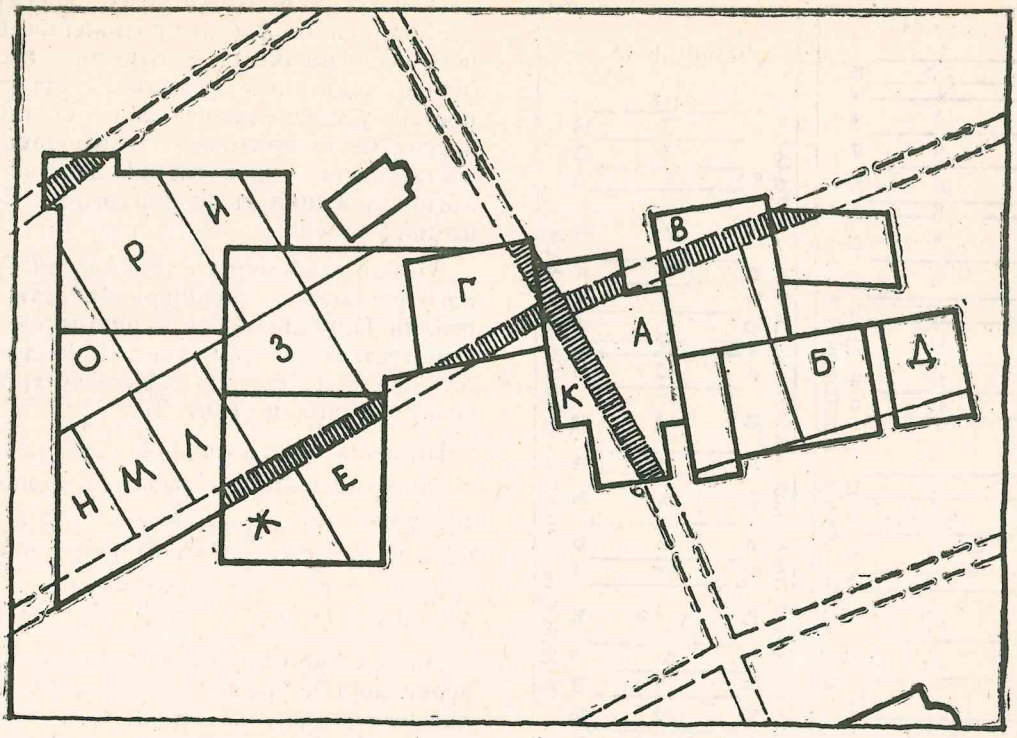

Рис. 3. Усадебная планография Троицкого раскопа

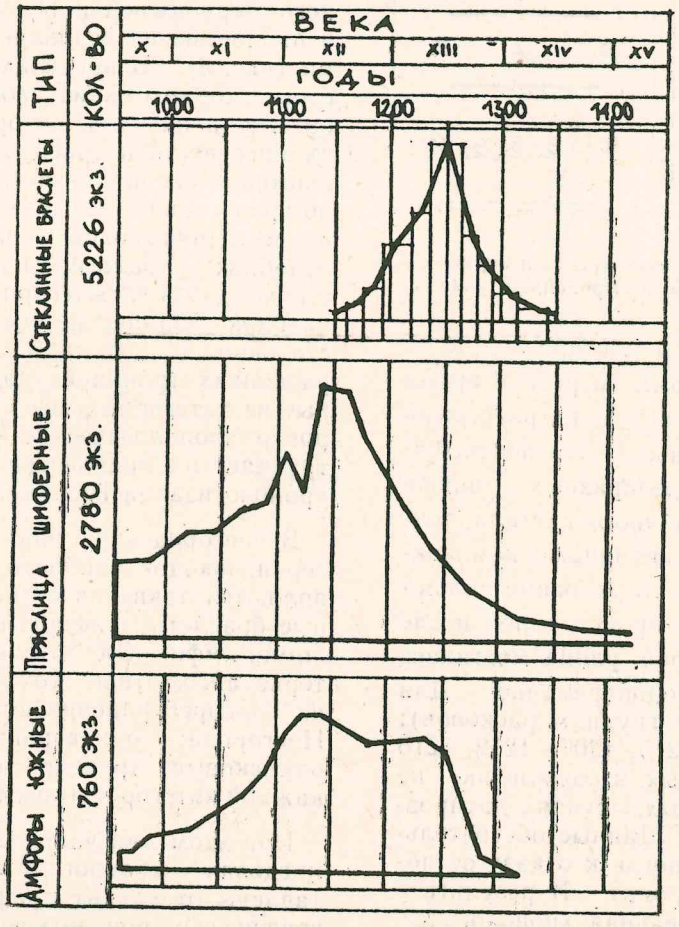

Рис. 4. Полигоны распространения стеклянных браслетов, шиферных пряслиц и амфор в культурном слое Новгорода

Три следующие таблицы (рис. 11—13) дополняют результаты хронологической проверки по менее массовым, чем стеклянные браслеты, шиферные пряслица и амфоры, но достаточно распространенным и четко хронологизированным кате-

гориям находок. При этом в этих таблицах объединены стратиграфическо-хронологические шкалы по Черницыной улице (верхняя пунктирная горизонтальная линия) и по Пробойной (нижняя сплошная горизонтальная линия). Вертикальные ограничительные линии показывают хронологический диапазон находок по другим новгородским раскопам. В целом и здесь результат экспериментальной проверки очевиден, что свидетельствует о правомерности проведенного компьютерного расчленения слоя на участке по стратиграфическим срезам, а также о достоверности проведенной хронологизации восточного участка Троицкого раскопа.

Усадебная планография. Углубленное изучение стратиграфии Троицкого раскопа позволило проследить особенности планировочной схемы изучаемого микрорайона Людина конца. Весь массив застройки, выявленной вдоль Черницыной улицы, делится на ряд участков-усадеб, каждый из которых представля-

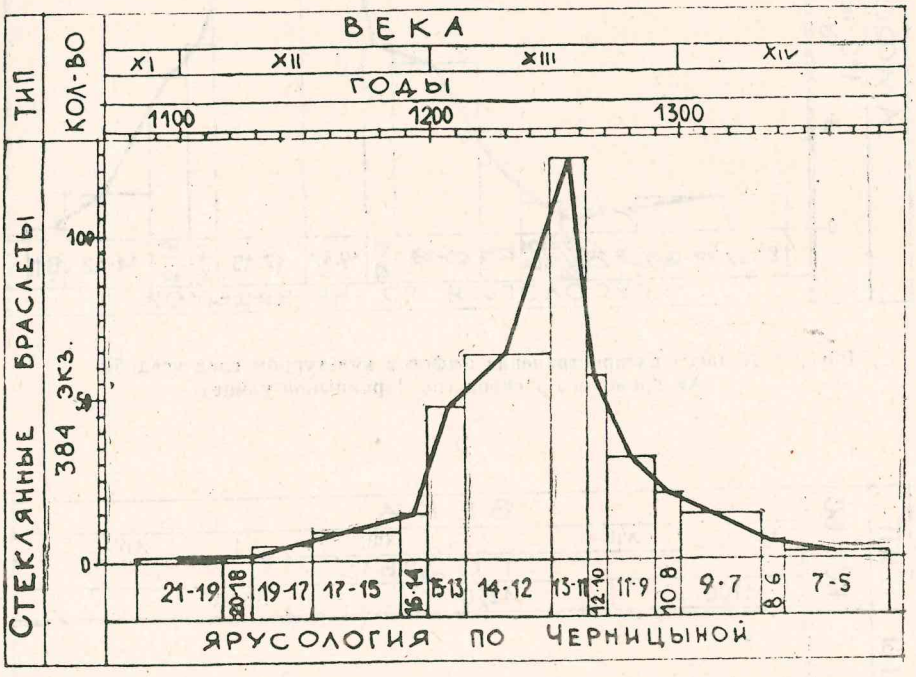

Рис. 5. **Полигон распространения стеклянных браслетов в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа (по Черницыной улице)**

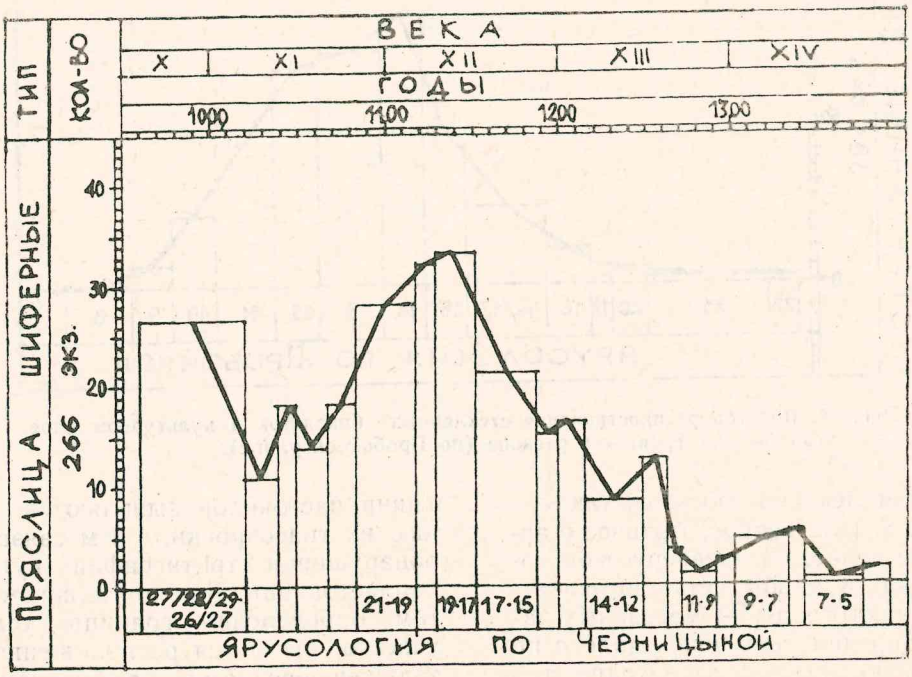

Рис. 6. **Полигон распространения шиферных пряслиц в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа (по Черницыной улице)**

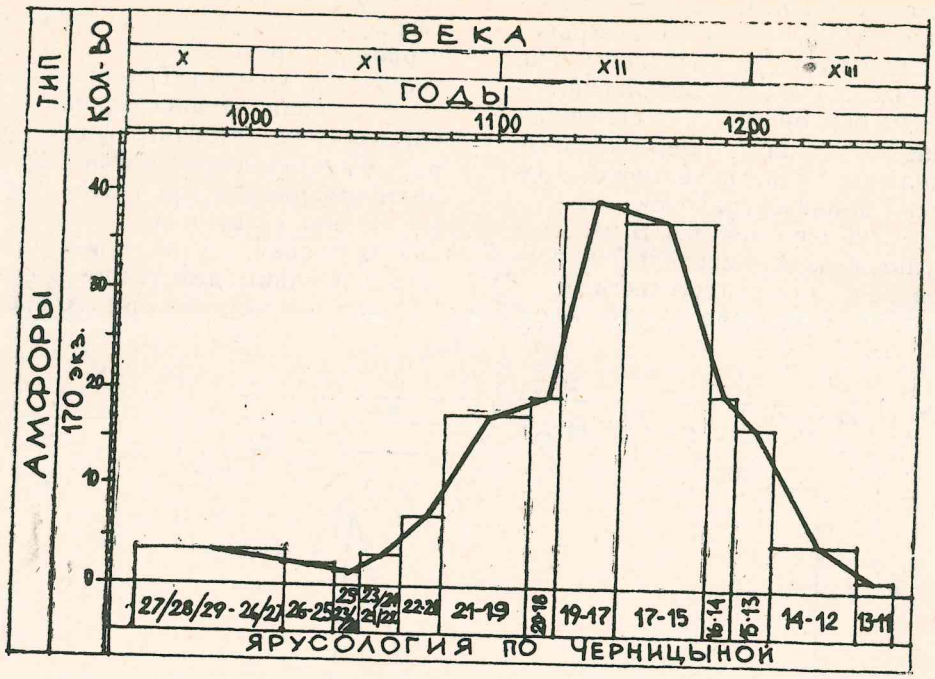

Рис. 7. Полигон распространения амфор в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа (по Черницыной улице)

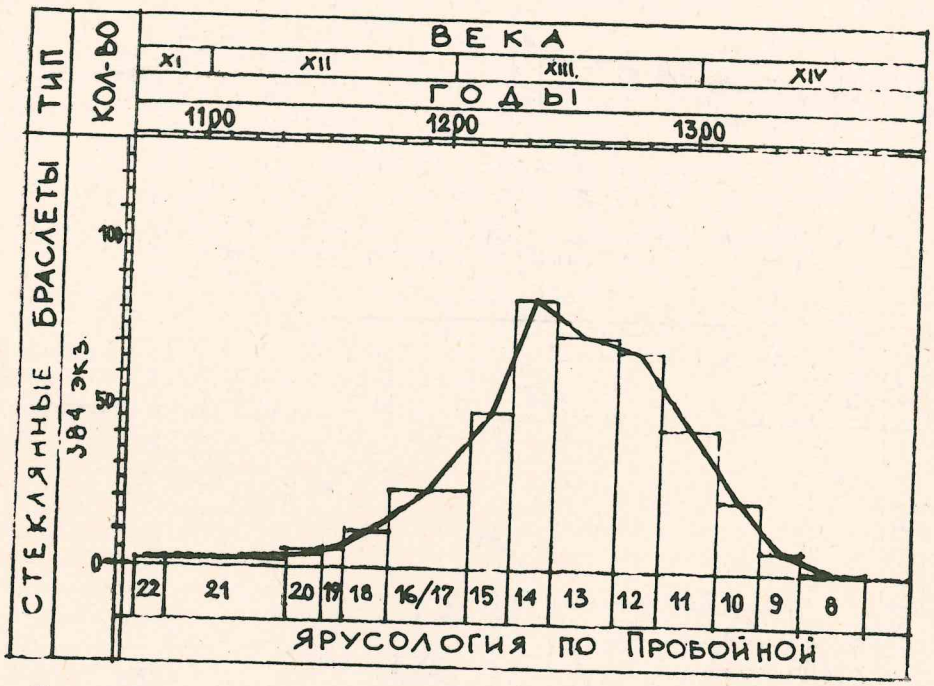

Рис. 8. **Полигон распространения стеклянных браслетов в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа (по Пробойной улице).**

ет собой комплекс построек, составляющих единое хозяйственное, бытовое и архитектурное целое. В древнерусском городе площадь усадьбы четко выявляется по наличию ограды — массивных частоколов. Впрочем, частоколы далеко не всегда и не во всех ярусах сохраняются на всем протяжении, иногда только отдельными звеньями, а достаточно часто линии частоколов выявляются по наличию их трассировки, с чем связаны микронарушения стратиграфии культурных напластований. Дополнительным элементом определения границы усадебного участка является расположение срубов задними фасадами по отношению друг к другу, что не соответствует характерным принципам внутриусадебной компо-

новки построек. Кроме того, как было указано ранее, дополнительным признаком усадебной границы является наличие «швов» на полотне уличных мостовых. Совокупность этих признаков дает достаточно твердые критерии для выявления границ усадеб, их передвижек и изменения тем самым площади усадебных участков.

Для новгородской планировочной системы в основном характерна стабильность усадебной площади. Границы усадеб, как выявляется по материалам Неревского раскопа, изменялись незначительно, и основные дворы, которые были построены в X—XII вв., существовали, как правило, в тех же пределах и позднее. По размерам и планировке выделяются два типа новгородских усадеб.

Первый тип — городские усадьбы, имеющие достаточно унифицированную планировку: один жилой дом и два—три хозяйственных помещения. Площадь усадьбы не превышала 465 кв. м. Она пред-

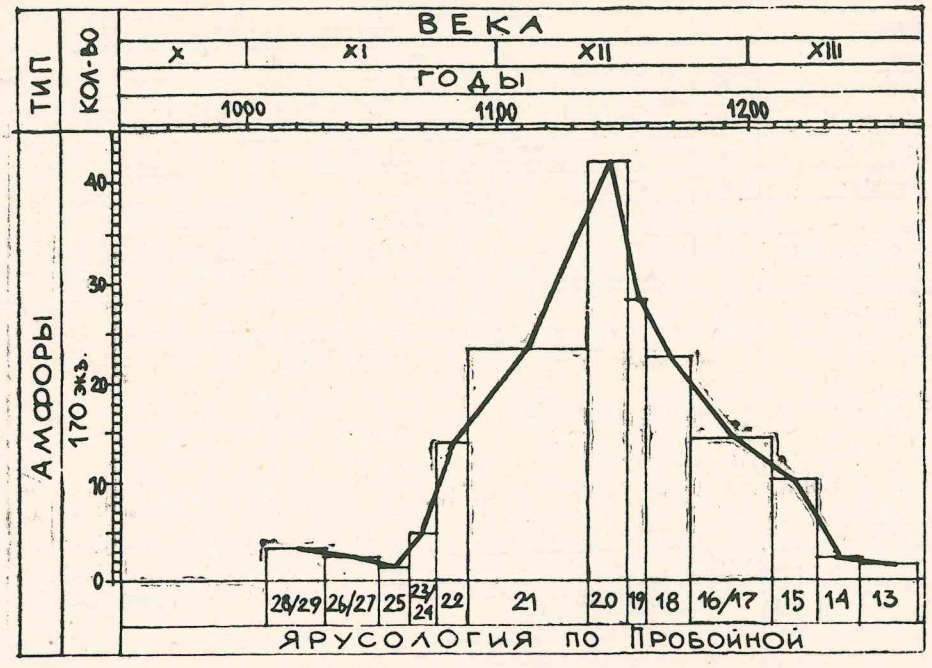

Рис. 9. **Полигон распространения шиферных пряслиц в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа (по Пробойной улице)**

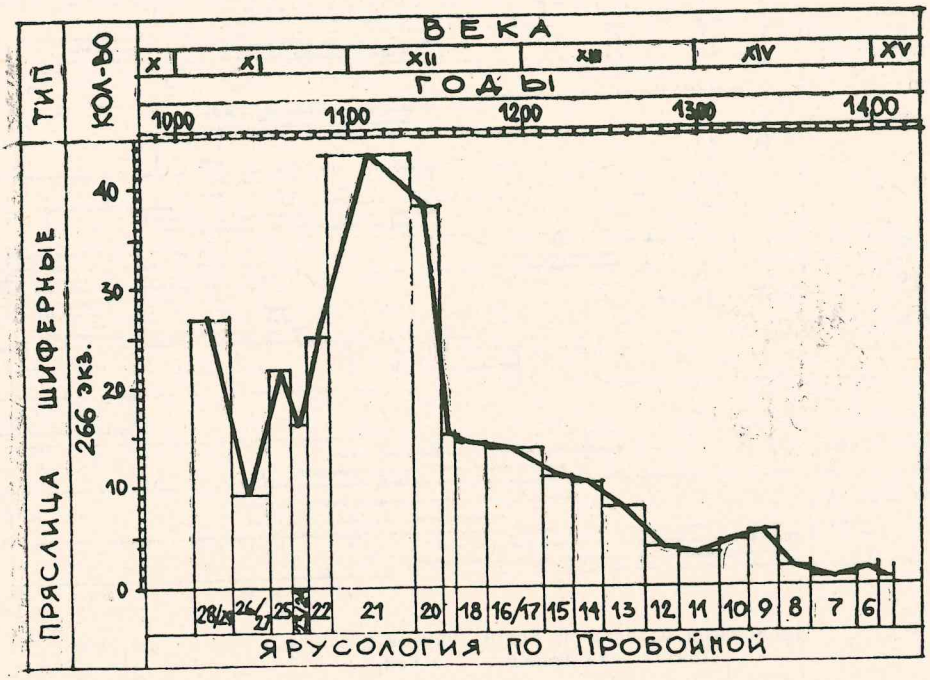

Рис. 10. **Полигон распространения амфор в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа (по Пробойной улице)**

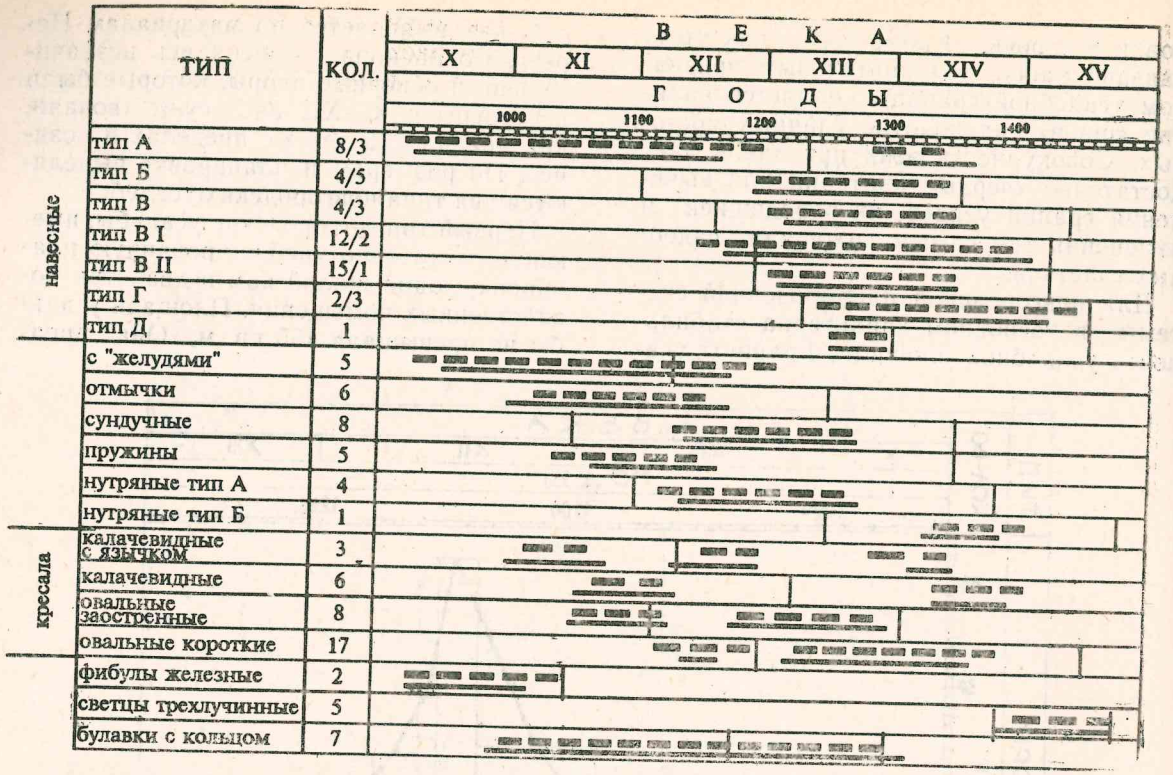

Рис. 11. Хронология изделий из железа в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа

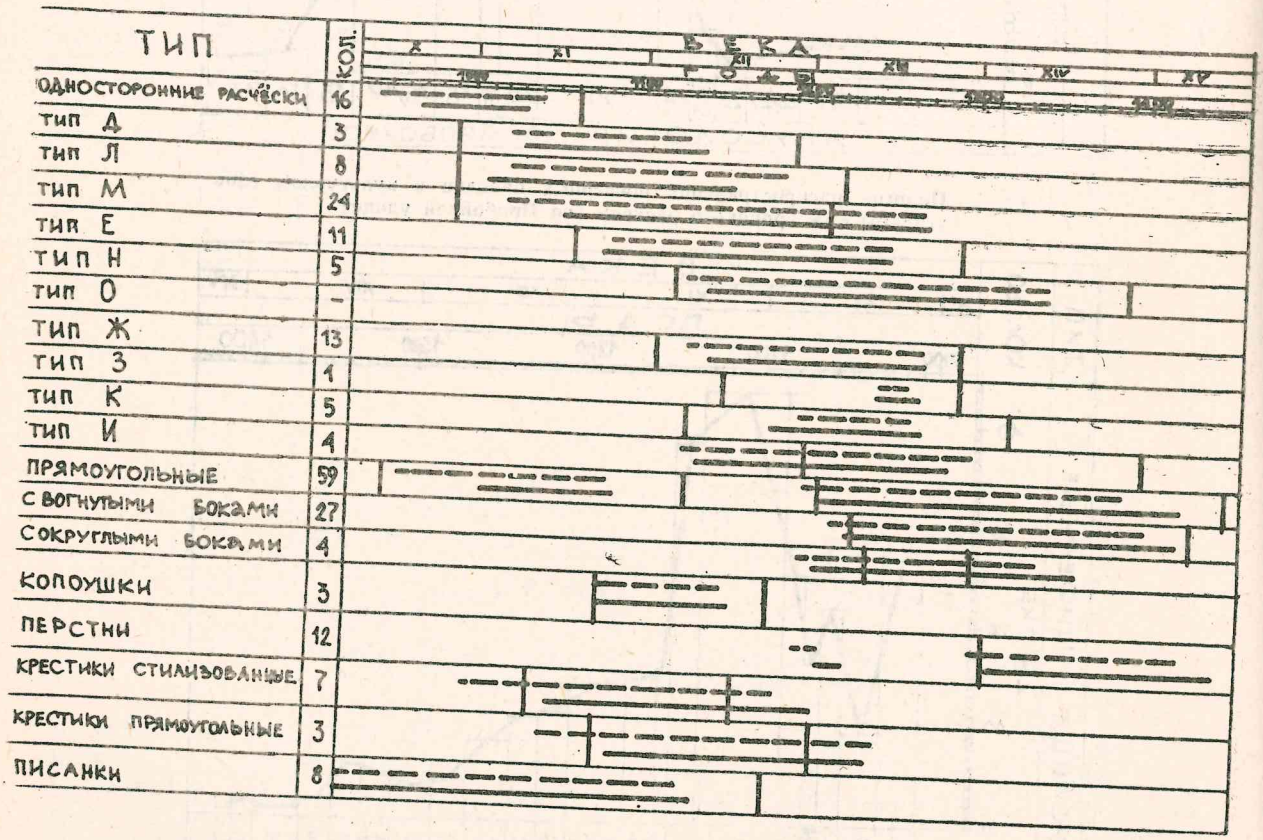

Рис. 12. Хронология изделий из кости, янтаря и глины в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа

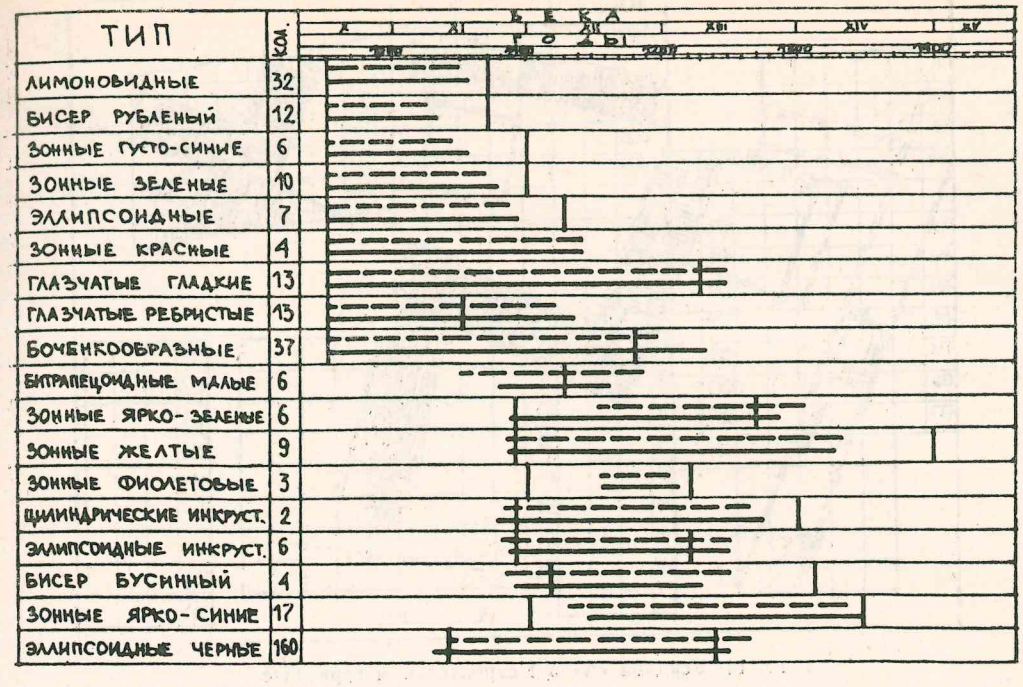

Рис. 13. Хронология стеклянных бус в культурном слое усадьбы «А» Троицкого раскопа

ставляла собой прямоугольник (15×30 м) и выходила узкой стороной на улицу.

Второй тип — боярские усадьбы, на территории которых, кроме хором владельца, размещались жилища горожан, находившихся в той или иной форме зависимости от дворовладельца. Такие усадьбы имели размеры от 750 кв. м, достигая 1400 кв. м. На территории таких усадеб располагалось до 15 строений, в том числе четыре—пять жилых домов.

Планировка усадеб Троицкого раскопа, как выяснилось, имеет свою индивидуальность, отличающую ее от застройки Неревского конца. Это целесообразно проследить на примере юго-восточного участка (усадьба А). Во-первых, ее отличает нестабильность усадебных границ. Анализ расположения линий частоколов на протяжении с середины X в. до начала XV в. показал, что внутри этого временного пространства выделяются три строительных горизонта, ограниченные хронологическими рамками.

Под строительным горизонтом мы подразумеваем совокупность ярусов, в период существования которых сохранялась целостность усадьбы: стабильность границ участка, постоянство планировочной схемы застройки двора. Не исключаем, что период существования строительного горизонта в определенной степени отражает генетическую связь усадьбовладельцев (от предков к потомкам), либо сохранение функциональной предназначенности усадьбы (выделение данного участка для клириков ктиторской боярской церкви или под дворы семей, находившихся в вассальных или арендных отношениях с усадьбовладельцем).

Для нижнего строительного горизонта троицкой усадьбы А характерны значительные размеры участка — не менее 1500 кв. м. В этом горизонте она занимала все исследованное пространство к юго-востоку от пересечения Черницыной с Пробойной. Свидетельством тому является единая система мощения дворового пространства, объединяющая частично сохранившиеся постройки в единый усадебный комплекс (рис. 14). Тем самым, по аналогии с Неревским раскопом, можно предполагать, что в момент освоения участка (50—60-е гг. X в.) и до рубежа X—XI вв. эта территория была занята боярской (?) семьей.

Для следующего строительного горизонта — с рубежа X—XI вв. и до первых десятилетий XIII в. — характерно раздробление единого усадебного пространства на два усадебных участка — усадьбы А и Б (рис. 15), каждая площадью около 740 кв. м.

Наконец, для позднего строительного горизонта характерна новая перепланировка участка и уменьшение усадебных комплексов до 276 кв. м (рис. 16). Хронологически существование этих маломерных усадеб определяется с первых десятилетий XIII в. до начала XV в., то есть приходится на финальный этап существования усадеб. (Необходимое пояснение: на ситуационном плане (рис. 3) границы усадеб восточной части раскопа — А, Б, Г, З, Ж, Е даны по уровню

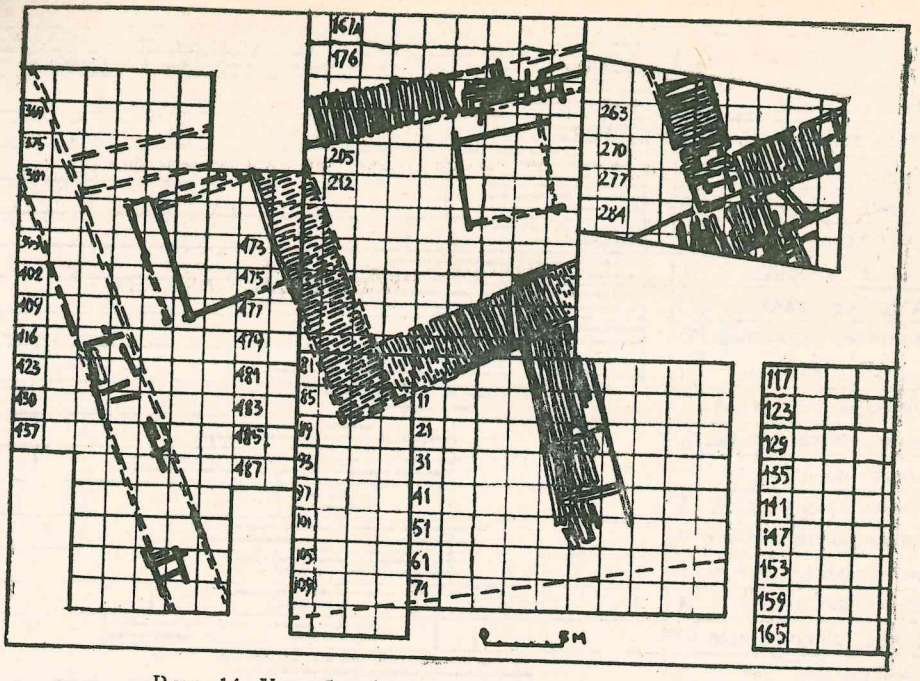

Рис. 14. **Усадьба «А» в I строительном горизонте**

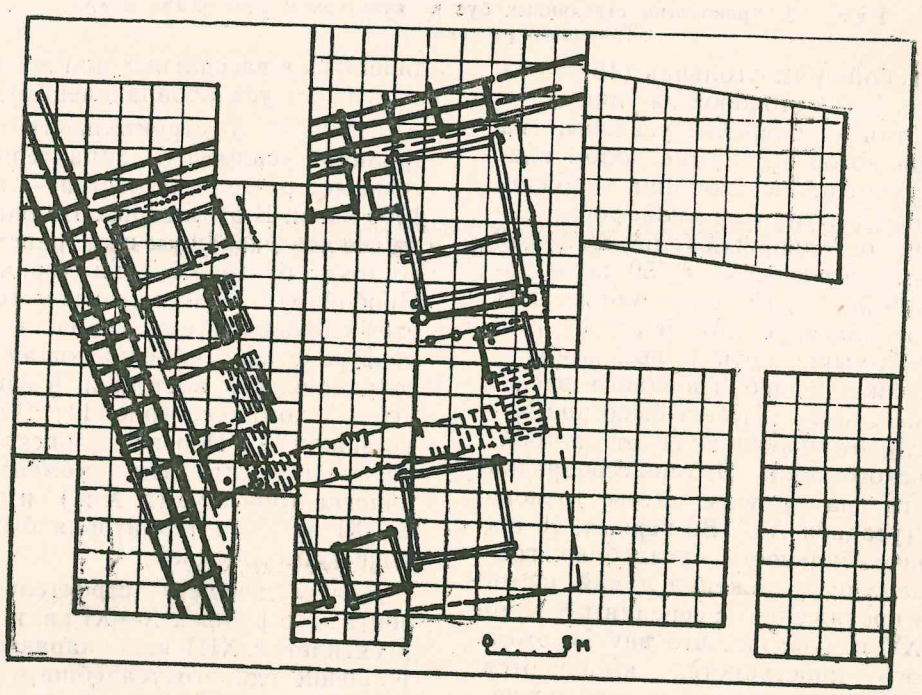

Рис. 15. **Усадьба «А» во II строительном горизонте.**

среднего строительного горизонта, а в западной части — усадьбы Л, М, Н, О, П, И, где работы продолжаются, границы указаны по позднему строительному горизонту, то есть до первых десятилетий XIII в.).

Естественно, что изменение усадебной площади достаточно существенно отразилось на системе организации усадьбы, что составляет вторую индивидуальную черту Троицкого раскопа.

Для раннего строительного горизонта (50—60-е годы X в. — рубеж X—XI вв.) характерна достаточно разреженная бытовая застройка, объединенная специальными настилами в единое целое (рис. 14).

Для второго строительного горизонта (рубеж X—XI вв. — первые десятилетия XIII в.) характерна значительная плотность застройки (рис. 15), располагавшейся практически по всему периметру усадебного пространства, тесно и вплотную к линиям частокола, кроме выезда на Черницыну улицу. Оставался лишь небольшой по площади внутренний двор в центре участка.

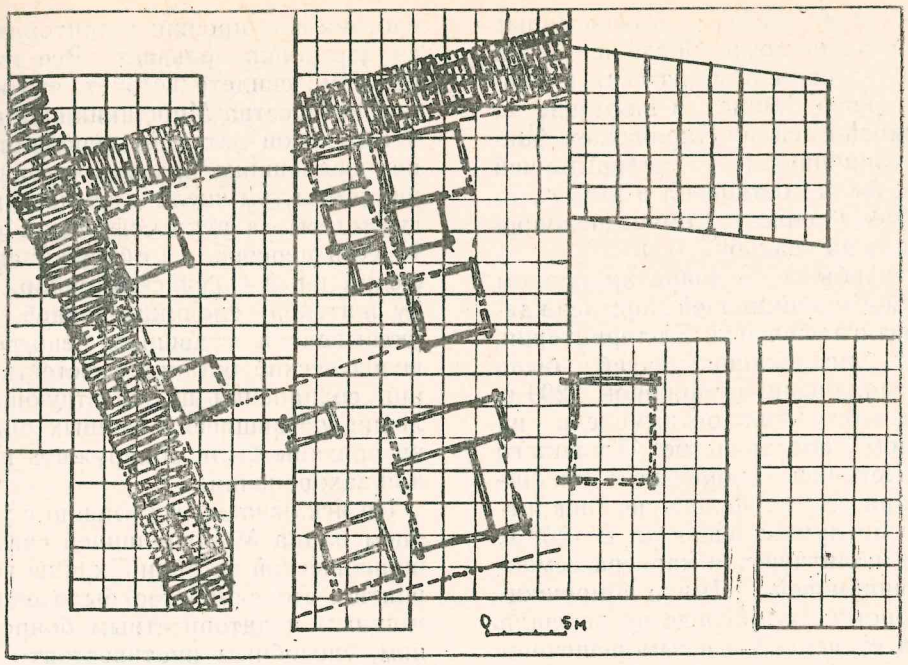

Рис. 16. **Усадьба «А» в III строительном горизонте**

Нередко отдельные постройки объединялись специальными переходами. Вещевые комплексы и характер сооружений достаточно убедительно свидетельствуют, что жилым был не один, а не менее трех срубов.

Наконец, в финальном строительном горизонте (первые десятилетия XIII в. — начало XV в.) сокращение усадебной площади привело к разреженности планировки (рис. 16). Здесь характерно наличие одного жилого помещения и нескольких небольших хозяйственных построек, поставленных по границе усадебного участка.

Социальная характеристика усадеб. Естественно, что эволюция усадебной территории Троицкого раскопа отражает определенные исторические процессы, в которые были вовлечены жители этого района Людина конца. Комплекс археологического материала и, в первую очередь, данные берестяных грамот позволяют достаточно убежденно говорить о принадлежности усадьбы А Троицкого раскопа к группе усадеб, относившихся к клану Несдиничей-Мирошкиничей. Вероятно, центральная усадьба, которую занимал глава боярской семьи, располагалась к северу от исследованного участка, в районе Волосовой или Добрыни улиц. Возможные сомнения в принадлежности столь обширного участка городской территории одному боярскому клану отклоняются при обращении к материалам Неревского раскопа, где выявилось наличие громадного городского домена боярской семьи Мишиничей-Онцифоровичей, занимавшего едва ли не всю исследованную археологами площадь (более 9000 кв. м).

Принадлежность территории усадьбы А клану Несдиничей-Мирошкиничей была, возможно, изначальной, однако в нижних напластованиях первого строительного горизонта (50—60-е годы X в. — рубеж X—XI вв.) отсутствуют документальные данные для персонификации усадьбовладельца, а в наборе вещевых комплексов раннего времени нет явных индикаторов для выявления социальной принадлежности горожан.

В этом отношении более выразителен второй период истории троицкой усадьбы (с рубежа X—XI вв. до первых десятилетий XIII в.). В напластованиях этого времени встречены многочисленные берестяные грамоты, которые позволили установить, что на усадьбе длительное время проживали священники. Сначала это был неизвестный нам по имени поп — отец Моислава Поповича (упомянутый в берестяных грамотах персонаж). Затем здесь поселился священник Олисей Гречин, чья мастерская была обнаружена в процессе раскопок и чья связь с боярским кланом Мирошкиничей подтверждается документально.

Священнический характер усадьбы А объясняет и положение его владельцев относительно боярской патронимии, на территории которой она существовала с середины XII в. вплоть до начала XIII в. Усадьба А не могла быть городской вотчиной священников. Очевидно, этот участок, ко времени вселения семьи попа разделенный на две части, был предоставлен в распоряжение священников на-

стоящими владельцами взаимосвязанных усадеб — Несдиничами. Последние были ктиторами Варварина монастыря и ближайших церквей. Обратим внимание на то, что церковь Василия Парийского, фактически граничившая с территорией усадьбы А, была поставлена в 1151 г., то есть непосредственно в момент водворения клириков на усадьбу.

Связь усадьбы А с боярским кланом Несдиничей-Мирошкиничей подтверждается и стратиграфически. Ее территория, как и всех близлежащих усадеб, была выжжена грандиозным пожаром 1209 г. Прослойка этого пожара выявлена на значительном пространстве Троицкого раскопа. Летопись говорит не о стихийности пожара, что случалось неоднократно, а о его предумышленности. В 1209 г. обрывается политическая карьера семейства Мирошкиничей. Дмитр Мирошкинич, к которому по наследству перешла посадничья степень, вечевым решением был отстранен от должности с конфискацией имущества. Гнев восставших обрушился на весь боярский клан: городские усадьбы Мирошкиничей были разграблены и сожжены. Внезапность и грандиозность этого пожара подтверждается находкой на территории одного из Троицких раскопов (усадьба Е) обгоревшего человеческого костяка.

Вплоть до 1213 г. жизнь на троицких усадьбах замирает, а возрождение усадебных комплексов происходит на иной системе планировки: территория дробится, застройка мельчает. Все это неопровержимо свидетельствует, что конфискация имущества Мирошкиничей коснулась и городской вотчины, переданной, судя по позднейшим археологическим материалам, в том числе и немногочисленным грамотам, в руки софийских клириков, то есть персонала, обслуживавшего кафедральный Софийский собор. На смену жителей троицких усадеб косвенно указывают и оставшиеся непогребенными человеческие останки. Естественно, что при сохранении предшествующего населения оставшиеся в живых родственники обязаны были обнаружить погибшего для захоронения.

Не исключаем, что именно с уничтожением клана Мирошкиничей связан закат политической истории Людина конца. Вероятно, это семейство было единственно мощным и авторитетным боярским кланом, способным противостоять боярской олигархии Прусской улицы. Последние, устранив враждебную боярскую группировку, фактически узурпировали представительство от Людина конца в государственных институтах вечевой республики.

Научное значение Троицкого археологического комплекса определяется не только значительной источниковедческой информативностью материала, но и выработкой новых критериев его систематизации.